

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

ПОНЯТИЕ «НАРОД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭЛИТ¹

В.А. Ачкасов

(val-achkasov@yandex.ru)

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Цитирование: Ачкасов В.А. Понятие «народ» в политическом дискурсе элит // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 64–76.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.2.3>

Аннотация. *Прослеживается эволюция содержания понятия «народ» в политическом дискурсе элит. В результате выясняется, что понятие «народ», как правило, является «пустым означающим», смысл которого проясняется и актуализируется в самом акте называния и противопоставления его «не народу». Отдельно автор рассматривает содержание этого понятия в российском политическом дискурсе, а также пытается понять причины наделения русского народа статусом «государствообразующего».*

Ключевые слова: *народ, нация, дискурс политических элит, суверенитет, самоопределение, исключение.*

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №20-011-3107/20) «Этнополитические конфликты в современном мире: постсоветский контекст».

Понятие «народ» чрезвычайно востребовано в политическом дискурсе элит, по крайней мере с европейского Нового времени. Достаточно вспомнить, что на «великой фикции» — принципе суверенитета народа — построено все грандиозное здание конституционализма. Как иронически заметил Бертольд Брехт, «власть исходит от народа. Но куда она приходит?» «Отсутствие народа» в процессе правления задается и классическим шумпетеровским определением демократии: «Демократия не означает и не может означать то, что народ действительно правит в каком-то очевидном смысле понятий “народ” и “правление” <...> Демократия есть правление политиков» [Шумпетер 1995: 284–285].

При этом понятие «народ», используемое в дискурсе элит, как правило, является «пустым означающим», смысл которого выясняется и актуализируется в самом акте называния и противопоставления его «не народу» и его исключения из «народа». Другими словами, у «народа» нет существующего в реальности референта, «народ» возникает в процессе конструирования элитами народной идентичности. Однако право номинации народа и право «быть народом» всегда оспаривалось и оспаривается, и это объяснимо, «быть народом» — высокая легитимационная ценность, поскольку ссылка на народ прекрасно подходит для того, чтобы, с одной стороны, пробудить «мы» — чувства и солидарность и, с другой — вызвать неприязненное отношение к иным («не народу»).

В свою очередь, процесс конструирования «народа» («народной» идентичности) проходит через два этапа: на первом этапе происходит (дискурсивное) нивелирование классовых, социальных и других различий между людьми (происходит «деидентификация») и далее реконструируется общая транссекциональная коллективная идентичность (происходит «реидентификация») [Panizza 2005: 5]. Как заметил Юрген Хабермас, «идея единого, однородного подлинного народа (которой оперируют многие политики. — В.А.) не более чем фантазия, «народ» возможен только во множественном числе» [Мюллер 2019: 18].

Однако какие человеческие коллективы с точки зрения элит могут претендовать на статус народа? Айвор Дженнингс писал, критикуя доктрину самоопределения: «На первый взгляд она кажется разумной: пусть народ решает. На самом деле она смешна, потому что народ не может решать, пока кто-то не решит, кто является народом» [Jennings 1956: 56].

Так, во всех политико-философских концепциях «общественного договора» народ наделяется единой волей и политический субъектно-

стью. Тем самым он противопоставляется «массам» или «черни», такой субъектностью не наделенным и потому в народ не включенным. «Но если у Гоббса такое единство задается добровольным подчинением частных лиц суверену, которое реализуется посредством общественного договора, то уже у Руссо то же единство и та же субъектность есть следствие самоконституирования народа, превращающего конгломерат частных лиц в «политический организм», обладающий «общей волей», т.е. в народ в собственном смысле слова» [Капустин 2015: 34–35]¹.

Действительно, одна из первых проблем, возникающих при описании либеральной демократии, — определение границ народа как **сообщества граждан**, участвующих в политическом процессе, т.е. проблема политического самоопределения и ценностного базиса консолидации национального государства. Однако проекция понятия «народ» на наличные в обществе конца XVIII в. социальные группы поставила трудный вопрос о том, какие из них относятся к «народу-суверену». Вариант решения этой проблемы предложил Ш. Монтескье. С одной стороны, отвечая на вопрос, что такое демократия, он характеризует ее как режим, в котором «власть принадлежит всему народу» [Монтескье 1955: 169]. С другой стороны, переходя к анализу реальной ситуации в обществе, Монтескье заключает, что все демократии зависят от того, как «народ разделен на определенные классы» и «какими правами они наделены в плане участия в демократии». В результате вы-

¹ Не случайно позже, в XIX–XX вв., в центре критики противников демократии неизменно оказывалась метафизическая теория «общей воли» Ж.-Ж. Руссо, которая неоднократно служила обоснованием последовательного делегирования полномочий «народа» правящему меньшинству и стала политической формулой легитимации власти экстремистских революционных элит — от якобинцев до большевиков, согласно логике которых, «народ», не поддерживающий принципов демократии, просто не понимает собственных интересов, нуждается в просвещении, а пока должен быть понуждаем с помощью насилия к подчинению власти — носителю этого знания. Реализация демократического идеала в этом случае откладывается до достижения народом-сувереном необходимой степени зрелости и просвещенности. Результатом же неизменно становится диктатура меньшинства — носителя знания «общей воли» народа. Поэтому идеал демократии как непосредственного правления народа есть опасная абстракция, которая на практике ведет к тотальному господству группы или лидера от имени всего «народа», установлению режима тирании «волей народа».

ясняется, что из «всего народа» должен быть исключен «низкий народ», т.е. те, «положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь собственную волю», более того, «при народном правлении власть не должна переходить в руки низшего слоя населения». Справедливости ради отметим, что Монтескье не относил к народу и «отличающихся преимуществами рождения, богатства или почестей», т.е. знать [Монтескье 1955: 293, 294].

Значение слова «народ» определял и И. Кант, проведший также различие между понятиями «народ» и «нация»: «Под словом народ (*populus*) понимают объединенное в той или другой местности множество людей, поскольку они составляют одно целое. Это множество или часть его, которая ввиду общего происхождения признает себя объединенной в одно гражданское целое, называется нацией (*gens*), а та часть, которая исключает себя из этих законов (дикая толпа в этом народе) называется чернью (*vulgus*), противозаконное объединение которой называется скопищем (*agreg per turbas*); это такое поведение, которое лишает их достоинства граждан» [Кант 1994: 350].

Таким образом, в Новое время понятие «народ»/«нация» тесно связывается с идеей народного суверенитета и трактуется как политическая категория, впрочем, не включающая все население территориального государства. «Принцип “народного суверенитета”, — отмечает Б. Як, — всего лишь требует, чтобы государство получало свою власть от тех людей, которые его населяют. Он ничего не говорит о составе народа или о том, в какой степени его членам нужно отождествляться друг с другом» [Як 2017: 408]. Поэтому в годы Великой французской революции из числа граждан — членов французской нации, равной «народу-суверену», исключался не только «низкий народ» — французское крестьянство, но и представители привилегированных сословий. В связи с этим можно вспомнить концепцию жирондиста аббата Э.Ж. Сийеса, который, видимо, одним из первых для обоснования исключения из нации использовал исторические аргументы. Так, Сийес причисляет к числу членов французской нации только представителей «третьего сословия» (которые, по его мнению, были потомками галлов и римлян), и отказывает в принадлежности к французской нации аристократии как потомкам норманнов — завоевателей. Он, в частности, писал: «Третьему сословию нечего бояться идти вглубь веков. Оно найдет себя во времена еще дозавоевательные и, имея сегодня достаточно сил,

чтобы дать отпор, окажет ныне куда более мощное сопротивление. Почему не низвергнет оно в леса Франции все эти семейства, лелеющие безумную претензию на происхождение от расы завоевателей и на их права? Очистившись таким образом, нация вполне будет вправе, как я полагаю, назвать среди своих предков лишь галлов и римлян» (цит. по: [Фюре 1998: 12]).

Позднее сторонники идеи народного суверенитета стали рассматривать «народ» как некий исходный материал, из которого в рамках территориального государства может сформироваться «нация» как межпоколенческое политическое сообщество, связанное прочными субъективными узами взаимной лояльности. В англоязычной литературе появляется даже специальный термин «would-be-nation». В соответствии с этим взглядом понятие «народ» используется для обозначения как бы низшего уровня национальной интеграции.

Кстати, в истории русской мысли можно найти близкое по смыслу толкование соотношения этих двух понятий. Так, по мнению В. Белинского, «“народ” и “нация” представляют собой два уровня социальной реальности и достижений в культуре. Под “народом” прежде всего разумеется низший слой государства, “нация” же выражает собою понятие о совокупности всех сословий государства». Соответственно, «в народе еще нет нации, но в нации есть и народ, Песни Кириши Данилова есть произведение народное, стихотворение Пушкина есть произведение национальное; первая доступна и высшим (образованнейшим) классам общества, но второе доступно только высшим (образованнейшим) классам и недоступно разумению народа, в тесном и собственном значении этого слова». Задача, следовательно, сводится к тому, чтобы поднять народ до уровня образованного общества и выковать на его основе нацию в европейском духе [Белинский 1978: 36].

Только в XX в., когда закончился процесс «превращения крестьян во французов» народ стал пониматься как нечто целое (т.е. народ — это все члены политики, т.е. нация-согражданство). «Если под народом подразумевается “согражданство”, население страны, — пишет сегодня В.А. Тишков, — понятие “нация” носит более строгий, политизированный характер. Оно нагружается символическими и эмоциональными смыслами, но, по сути, подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества» [Национализм в мировой истории... 2007: 558]. Однако следует помнить, что, по словам В. Малахова, проблематика гражданства — это тоже прежде всего проблематика исклю-

чения [Гражданство и иммиграция... 2013: 9]. Тем более что параллельно левыми и правыми радикалами формировалось и альтернативное понимание «народа», противопоставляемого элитам и включавшего только «простых людей» (т.е. ту часть *res publica*, которая состоит из обездоленных, бесправных, исключенных и забытых). В таком смысле понятие «народ» и сегодня активно используется политиками популистами как левого, так и правого толка.

В то же время в условиях Восточной и Юго-Восточной Европы, отличающихся чрезвычайной этнической мозаичностью, с одной стороны, и длительным существованием здесь государств имперского типа, с другой стороны, понятие «народ» трактовалось не столько в политическом смысле, сколько как этническая и культурно-языковая общность, а воспроизводство народа — как доказательство жизненной устойчивости и полноценности данной общности. Обретение же «народом» своей государственности превращало его в этнонацию.

Подводя некоторый итог обсуждению содержания понятия «народ», Б. Капустин пишет: «1. Народ всегда есть некое сконструированное, а не “органическое” и “субстанциональное” сообщество... 2. Народ всегда “воображается” как универсальный, как “весь народ” (в противоположность нации, всегда “воображаемой” как нечто особенное, наряду с другими нациями), но эта универсальность конституируется исключением, т.е. превращением некоторой части “всего народа” в “не народ”... 3. В политическом воображении современности “народ”, как бы ни определялось это понятие, есть суверен, даже тогда, когда он не обладает никакой реальной субъектностью и полностью растворен в деполитизированных конгломератах типа “народонаселение” или “электорат”» [Капустин 2015: 39–41].

Заметим, что в нашем отечестве и сегодня доминирует понимание народа как этнокультурной общности и народ отождествляется с нацией. Так, в национальных республиках России утверждают: «Любая этнонация — это и есть народ. Сказать “русский народ” или “русская нация” (в этническом смысле) — это одно и то же. Ни одна нация не согласится с тем, что она не является народом» [Фарукшин 2013: 67]. При этом народ рассматривается в дискурсе элит как однородное, целостное социальное образование, в котором некий коллективный интерес доминирует над индивидуальными интересами личности.

В связи с этим возникает вопрос: кто является носителем суверенитета в РФ и в национальных республиках РФ? Согласно Конституции

РФ, это «многонациональный народ России», но не «русская нация»¹. Однако если этнонация — это и есть народ, то в национальных республиках, видимо, субъектом самоопределения и носителем суверенитета является титульная этнонация, равная народу? Так, в Конституции Удмуртии территориальное сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые, получается, противопоставляются друг другу.

Причем стремление сделать приоритетом политики реализацию интересов лишь титульного этноса/народа/нации не может быть оправдано ни с позиций права, ни с позиций политической логики. Тем не менее отечественные юристы «даже международно-правовые документы и декларации о самоопределении народов и т.п. умудрились изложить на языке этнического национализма, хотя международное право понимает под категорией “народ” территориальное сообщество (“демос”, а не “этнос”) и не признает этнический партикуляризм в качестве государствообразующего принципа» [Национализм в мировой истории... 2007: 579].

Доставшаяся от советского прошлого трактовка государственности республик в составе РФ как формы политического самоопределения «титульного этноса/этнонации» в условиях, когда границы расселения народов далеко не совпадают с границами национальных республик (только треть народов, давшие наименование республикам и автономным образованиям (всего их в РФ — 30) проживает в их пределах, а в большинстве из них так называемая «титульная нация» по своей численности составляет менее половины населения), ведет к этнизации проблемы самоопределения и имеет следствием соответствующее распределение властных полномочий, выбор принципов подбора кадров

¹ Поскольку эксперты давно предупреждали о потенциальных конфликтах, связанных с тем, что в Конституции России говорится о «многонациональном народе», В.А. Тишков недавно предложил своего рода компромисс: «...дополнить общественно-политический язык понятием “российский народ-нация” при сохранении использования категории “нация” в отношении этнических общностей страны (народов или национальностей). Такова общемировая практика, и России нет смысла изобретать велосипед по части использования категории “нация”» [Тишков 2013: 9]. Однако тремя годами ранее он же писал: «Нация и этническая общность имеют разные основы идентификации: территориальная для государства (нации) и культурная для этнических общностей. Они никогда не совпадают» [Тишков 2010: 17].

и дискриминацию представителей нетитульных народов (т.е. продолжение советской политики «коренизации»). В 1990-е годы идея неравенства прав народов нашла воплощение в планах реформирования парламентов в республиках и национальных округах России, которая имела несколько вариантов. По одному из них представителям титульных народов во властных структурах в целом и в парламентах в частности должно быть гарантировано 50 % мест независимо от их доли в общей численности населения. Согласно другому варианту, получившему поддержку прежде всего у активистов финно-угорских народов РФ, «парламенты в финно-угорских республиках должны состоять из двух палат. Одна из них формируется на основе всеобщего равного прямого избирательного права, а другая должна состоять только из представителей титульных этносов. При этом вторая палата должна обладать правом вето.

Ясно, что практическая реализация подобной идеи означала бы отказ от общедемократического принципа проведения прямого, равного и тайного голосования во время общереспубликанских выборов и сверхпредставительство титульных этносов. Общество в результате было бы разделено на две группы, обладающие разными политическими правами, что неизбежно усиливало опасность возникновения этнополитических конфликтов, поскольку чем больше в обществе бинарных маркеров, тем выше потенциал конфликтности» [Шабаев, Чарина 2008: 98–99].

Таким образом, принцип национально-территориального устройства немало поспособствовал тому, что в сознании людей каждая «нация» ассоциируется со «своей» территорией. Отсюда неизбежно возникает дискурс «принадлежности» («коренные») и «исключения» («пришлые») и встает вопрос о допустимости реализации «не кореными» тех или иных прав (в том числе права на этнокультурное самовыражение) на «чужой» территории. Возможный результат такой политической практики — формирование клановой и этнической солидарности и усиление межэтнической напряженности.

Логика конституционного закрепления особой миссии титульной этнической группы на «исконной» территории, казалось бы, требует, чтобы и русский народ был маркирован таким же образом, как и в национальных республиках, где законодатели сочли возможным внести в Основные законы подобные формулировки. Например, это могло звучать примерно так: «Формирование Российского государства связано с многовековым проживанием на его территории русского народа как

народа государствообразующего». Но этого до недавнего времени не было сделано, ибо этничность не может служить основой для государственности и международное право не признает за этническими группами право на политическое самоопределение. Есть только право народа (как гражданского, а не этнического сообщества) на самоопределение.

Однако следует заметить, что вопрос о закреплении особого политического статуса русского народа волновал давно и многих, причем не только так называемых «национал-патриотов». Так, ходе парламентских слушаний (октябрь 1996 г.) на тему «Русская идея на языке законов России» появился проект заявления Государственной Думы «О правах русского народа на самоопределение, суверенитет на всей территории России и воссоединение в едином государстве», а позднее целая череда проектов «Закона о русском народе» [Конституция... 2006; О русском народе 2006; Севастьянов 2017; 2020], важнейшей исходной посылкой которых являются суждения о «нереализованном праве русского народа на самоопределение» и о том, что «в нынешнюю пору общественного развития России право нации (понимаемой как этнокультурная общность. — В.А.) следует ставить выше прав человека» и т.д.

Как результат, социологи сегодня выяснили, что закрепленное в Конституции РФ равноправие всех народов так и не стало общепризнанной нормой. С тем, что все граждане России, вне зависимости от национальности, должны обладать равными правами, солидарны только 64 % россиян. Каждый третий (31 %) полагает, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы. Причем идею привилегированности русских вдвое чаще разделяют сами русские, чем представители других народов (34 против 15 % в среднем). В целом же 37 % граждан России выступают за то, чтобы русские в Российской Федерации и «коренные» народы в национальных республиках и округах имели больше прав, чем другие [Хайкин, Бережкова 2016: 105–106]¹.

Поэтому, как представляется, наделение русских статусом «государствообразующего» народа в результате принятия в 2020 г. соответствующей поправки Конституции РФ стало шагом к «символическому

¹ Правда, по данным опроса ФОМ в 2019 г., только 23 % опрошенных были уверены, что русские в России должны иметь больше прав, чем люди других национальностей, 73 % — за равенство прав [Межнациональные отношения в России 2019].

возвышению русского народа до положения старшего брата»¹ и тем самым закрепило неравенство граждан страны (ст. 68 (1) Конституции РФ). Однако эта поправка, как и ранее предпринятая неудачная попытка создания проекта «Закона о российской нации», представляет собой пример юридического нонсенса².

Впрочем, народ рассматривается российскими политическими элитами преимущественно как пассивный участник исторического процесса, правда, способный периодически «выражать “мнения” о том, что с ним творят» [Капустин 2015: 38], однако политически эти мнения несущественны и, как правило, не учитываются в процессе принятия значимых решений.

Литература

Белинский В. Россия до Петра Великого // Белинский В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 4. С. 8–64.

Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение: сб. статей / под ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. М.: Изд. ИКАР, 2013. 266 с.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 349–587.

Капустин Б. Народ в отсутствие народа, или О взгляде на посткоммунизм снизу // Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 27–71.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.

Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 144 с.

Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.

Тишков В.А. Российский народ: книга для учителя. М.: Просвещение, 2010. 191 с.

¹ У многих комментаторов эта конституционная поправка вызывает стойкие ассоциации со знаменитой формулировкой И. Сталина 1945 г.: «Русские — старшие братья в семье равноправных народов СССР».

² Юридический нонсенс — это бессмысленная правовая норма. Последние годы ознаменовались довольно объемным портфелем подобных правовых норм. Законодатели всех уровней стараются показать свою деловую активность. Принимаются тысячи законов, среди которых легко обнаружить и юридический нонсенс [Что такое юридический нонсенс 2020].

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Фарукишин М.Х. Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 348 с.

Фюре Ф. Постижение французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 219 с.

Шабает Ю.П., Чарина А.М. Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, идеология, лидеры). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. 256 с.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 517 с.

Jennings I. W. The Approach to Self-Government. N.Y.: Cambridge University Press, 1956. viii+204 p.

Panizza F. Populism and the mirror of democracy // Populism and the Mirror of Democracy / ed. F. Panizza. L.: Verso Books, 2005. 358 p.

Источники

Конституция русского государства (России) // Сайт «Севастьянов Александр Никитич». 01.04.2006. URL: <https://sevastianov.ru/proekty/konstitutsiya.html> (дата обращения: 10.04.2006).

Межнациональные отношения в России: как оцениваются шансы, возможности людей разных национальностей получить работу, реализоваться // ФОМ. 14.01.2019. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14157> (дата обращения: 12.04.2019).

О русском народе. Конституционный федеральный закон (проект) // Сайт «Севастьянов Александр Никитич». 03.04.2006. URL: <https://sevastianov.ru/natsionalnaya-gazeta.html/2003/101-russkoe-agentstvo-svyazi-i-analitiki-rasa.html> (дата обращения: 10.04.2006).

Севастьянов А.И. Битва за русских продолжается // Сайт «Севастьянов Александр Никитич». 13.07.2017. URL: <https://sevastianov.ru/stati/prochie-stati/682-bitva-za-russkikh-prodolzhaetsya.html> (дата обращения: 12.05.2020).

Севастьянов А.И. Время менять конституцию // Сайт «Севастьянов Александр Никитич». 27.02.2020. URL: <https://sevastianov.ru/proekty/konstitutsiya/21-ideologiya/konstitutsiya/317-vremya-menyat-konstitutsiyu.html> (дата обращения: 12.05.2020).

Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональ-

ных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. № 5 (135), сентябрь-октябрь, 2016. С. 97–110.

Что такое юридический нонсенс? // QQ.BY — вопросы и ответы в Беларуси. URL: <http://qq.by/7295-chto-takoe-yuridicheskiy-nonsens.html> (дата обращения: 12.05.2020).

THE CONCEPT OF “PEOPLE” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF ELITES

V. *Achkasov*

(val-achkasov@yandex.ru)

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Citation: Achkasov V. Ponyatiye «narod» v politicheskom diskurse elit [The concept of “people” in the political discourse of elites]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7 (2): 64–76. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.2.3>

Abstract. *The article traces the evolution of the concept of “people” in the political discourse of elites. As a result, it turns out that the concept of “people” is usually an “empty signifier”, the meaning of which is clarified and updated in the very act of naming and contrasting it with “not the people”. The author examines the content of this concept in the Russian political discourse and also finds out the reasons for granting the Russian people the status of “state-forming”.*

Keywords: *people, nation, political elite discourse, sovereignty, self-determination, exclusion.*

References

Belinsky V. Rossiya do Petra Velikogo [Russia before Peter the Great]. In: Belinsky V. *Collected works* in 9. Moscow: Fiction, 1978, vol. 4, pp. 8–64. (In Russian)

Farukshin M.H. *Etnichnost' i federalizm* [Ethnicity and federalism]. Kazan': Center for innovative technologies, 2013. 348 p. (In Russian)

Fuhre F. *Postizheniye frantsuzskoy revolyutsii* [Comprehending the French Revolution]. St. Petersburg: INAPRESS, 1998. 219 p. (In Russian)

Grazhdanstvo i immigratsiya: kontseptual'noye, istoricheskoye i institutsional'noye izmereniye: sbornik statey [Citizenship and immigration: conceptual, historical and institutional dimension: a Collection of articles]. Ed. by V.S. Malakhov, A.F. Yakovleva. Moscow: Izd. ICARUS, 2013. 266 p. (In Russian)

Jennings I.W. *The Approach to Self-Government*. New York: Cambridge University Press, 1956. viii+204 p.

Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropology from a pragmatic point of view]. In: Kant I. *Works* in 4 vols. Moscow: Choro, 1994, vol. 4, pp. 349–587. (In Russian)

Kapustin B. Narod v otsutstviye naroda ili o vzglyade na postkommunizm snizu [The People in the absence of the people or on the view of post-communism from below]. In: *Chetvert' veka posle SSSR: lyudi, obshchestvo, reformy* [A quarter of a century after the USSR: people, society, reforms]. Ed. by E.B. Shestopal, A.Y. Shutov, V.I. Yakunin. Moscow: Moscow State University Publ., 2015, pp. 27–71. (In Russian)

Montesquieu Sh. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 803 p. (In Russian)

Muller Ya.-V. *Chto takoye populizm?* [What is populism?] Moscow: Publishing house of the Higher school of Economics, 2019. —p. (In Russian)

Natsionalizm v mirovoy istorii [Nationalism in world history]. Ed. by V.A. Tishkov, V.A. Shnirelman. Moscow: Nauka, 2007. 601 p.

Panizza F. Populism and the mirror of democracy. In: *Populism and the Mirror of Democracy*. Ed. by F. Panizza. London: Verso Books, 2005. 358 p.

Schumpeter J.A. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Ekonomika, 1995. 540 p. (In Russian)

Shabaev Yu.P., Charina A.M. *Regional'nyye etnoelity v politicheskom protsesse (finno-ugorskoye dvizheniye: stanovleniye, evolyutsiya, ideologiya, lidery)* [Regional ethno-elites in the political process (Finno-Ugric movement: formation, evolution, ideology, leaders)]. Syktyvkar: KRAGSiU, 2008. 256 p. (In Russian)

Tishkov V.A. *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [Russian people: history and meaning of national self-consciousness]. Moscow: Nauka, 2013. 649 p. (In Russian)

Tishkov V.A. *Rossiyskiy narod: kniga dlya uchitelya* [Russian people: a book for teachers]. Moscow: Prosveshchenie, 2010. 191 p. (In Russian)

Yak B. *Natsionalizm i moral'naya psikhologiya soobshchestva* [Nationalism and moral psychology of the community]. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute, 2017. 517 p. (In Russian)